
PHOSA

О СМЫСЛЕ ПОЗНАНИЯ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

О СМЫСЛЕ ПОЗНАНИЯ

«ЭПОХА» ПЕТЕРБУРГ 1922.

Пров 36
Пров. 1958
Пр.
Библиотека ООН
Академии Наук СССР
048
39

Р. Ц. № 924. 3000 экз.

1-ая тип. Гл. Упр. Гос. Изд. ПТГ. Б. Болотная, 10.

О СМЫСЛЕ ПОЗНАНИЯ.

1.

Кризис жизни и мира зависит от кризиса мысли: мысль действенна; действенна не абстрактная мысль; действенна и абстракция; действие абстракции мысли есть творчество не должного мира. Абстракция — злая мысль: ее порожденье—злой мир: мир абстракций; он сперва нам является, как эмблема; вибрация, атом, молекула суть эмблемы научных понятий; но эмблемы суть призраки; мир абстрактный есть призрак.

Призрак—то чего нет, но что видимо, слышимо, осязаемо даже: он есть бытие небытийственности, то есть более, чем разрушение бытия: здесь в разрушенном месте, в дыре поселяется Некто; призрак есть недолжные роды; разумеется, его нет: он не то, чем является; но он есть в другом смысле: появляется то, чего быть не должно; и при

этом оно (то, чему быть не должно) появляется нас морочить; разоблачи мы обманную форму, не будет нам призрака, т. е. не будет явления силы в феномене; сила-ж останется, и—недолжная сила; призрак есть раздвоение личности, где у личности вырваны органы; и эти органы отданы: демону; призрачный мир созерцания злого духа; то, что он видит, переживаем мы в образах; призрачность есть визитная карточка нам духа тьмы.

Создание абстрактных эмблем при наличности веры в эмблему — создание призрака, т. е. начало созданья недолжного мира. То, что сегодня эмблема, есть завтра — действительность. Наше абстрактное знание создает нам эмблемы. Что есть оно?

2.

Соединять слово „знание“ со словом „научность“ нельзя. Слова „знание“ и „наука“ инородны по корню. „Наука“ предполагается прежде; „знание“ результат „научения“

Русское слово „наука“ предшествует современному смыслу слова „наука“; под „наукой“ ныне мы разумеем лишь „точное

знание". В первоначальном же смысле это слово обозначает лишь „веденье": наука и веденье предполагаются чем то исконным, передаваемым по традиции ведуном. Знание—результат научения.

Совершенно обратное нас встречает в терминологии немецкого языка, где „наука" есть „Wissenschaft", а „знание"—„Wissen". „Wissenschaft" обработанный методом материал; „Wissenschaft" результирует „Wissen". „Wissenschaft" переводимо скорей, как точное знание, предполагающее путь „Wissen" пройденным. Меж словами наука—знание—веденье нет точной границы. Самый глагол „знать" по немецки переводим в трех оттенках: wissen, kennen, erfahren. В слове „wissen" подчеркнут момент опытных наблюдений; в слове „kennen" подчеркнут момент априорного, интуитивного знания; это—знание внутри нас, как текучий процесс (Kenntnis); завершенье процесса в „Erkenntnis", — завершение знанья в познании; процесс завершения „wissen" есть „Wissenschaft".

Третий словесный оттенок „erfahren" (доехать) являет нам знание, как апо-

стериорный процесс, приводящий нас к „Wissen“.

Если я возьму тезис „наука есть знание“, то значение тезиса будет изменчиво от того, соединяю ли я со словом знанье оттенки трех слов: wissen, kennen, erfahren.

Сужденье „знание есть наука“ может быть суждением аналитической логики; или же: суждением синтетическим; если „знанье“ есть „Wissen“, то понятие „Wissenschaft“ в наше суждение вносит нечто новое; суждение наше—суждение синтетическое: вносится понятие опыта в ряде (ряд зависит от метода); „Wissenschaft“ есть сотворенное знание (erschaffene Wissen). Точная наука волюнтаристична всегда.

Но суждение „знание есть наука“ принимает более всеоб'емлющий смысл, если точное знание, как содеянный опыт, будет суб'ектом суждения, а понятие знания в смысле трех смыслов будет в нем предикатом; суждение „знание есть наука“ в таком случае определяет нам знание, как предел человеческих устремлений; это знанье есть цельное знание, сотворяющее нам впервые действительность.

Пониманье науки, как знание опыта, за содеянным опытом не признает бытия; обработка опыта в понятийном мире наук не имеет значения действительной истины; номинализм нашей мысли вскрываем в таком пониманье науки.

Пониманье науки, как цельного, творящего истину знания, ведет к ряду понятий, в которых действительность совпадает с истиной мысли; пониманье такое реалистично всегда.

Мы a priori видим два возможных истолкования науки. Многомысленность термина „знание“ и определенность термина „точное знание“ (Wissenschaft) заставляет спросить нас, как мы понимаем науку: как сужение, или же как расширение знания. Чем она волит быть?

Разнородны ответы. Различные части науки вменяют науке различные устремления: то наука есть главным образом творческий результат („—schaft“), то она главным образом, истина (bewahren от Wahrheit); в биологии она Wissen; в математике — Wharheit; в логике—Kenntnis.

„Wissen“—ответ биологии; ответ математики есть „Bewahren“; логика отвечает: „Erkennen“; физика отвечает нам: „Schaffen“.

Наука же в целом молчит.

3.

От вопросов, науке поставленных, обратимся же к многообразию манифестов многообразных ученых; показательны чаянья их; и—показательны веры во всемогущество отраслей; разрешение всех сомнений лишь в физике—физику; лишь в логике—логику.

Остается смутное чувство противоречивости заявлений; о том, что такое лишь частное знание всемогуще воистину: физика, математика, биология, теория знания в своей отрасли всемогущи. Сумма всех отраслей—всемогущество всемогуществ.

Конт и Спенсер уверены в всемогуществе знания; популяризаторы проповедуют массам о творческой мощи науки. Ее заключение о вселенной—правительственные манифесты о мире.

Что есть мир?

Результат кручения материальной массы вокруг единого центра (опыт с масляной каплей)—отвечает ученый; этот ответ есть приказ, есть команда: „да будет!“ Ученый командует: распоряжается архитектоникой мира;

строит храм его в конгломератах действительности (в данном образе мира). Заявление теории знания о феноменальности метода понимаемо многими, как отказы науки от правдивого разрешения всех вопросов о мире: но отказы—уловки, не сочетаемые с инстинктом науки: быть воистину всемогуществом; инстинктивный профессорский жест — воля к власти. Эмблематика в сочетании с волей к власти есть тайный заговор: упразднить данный мир; учредить на обломках его мир абстракции; и внушить, что вся жизнь— комбинация белковых веществ в условиях раскаленного состояния при участии радикала „*CN*“. Сотворил нас не Бог, а „*CN*“. Что такое „*CN*“? Он—химический радикал: радикал чрезвычайно опасный и образующий с водородом синильную кислоту. Заговор вызвать призраки радикала грозящего „ядами“. Говорят, что „*CN*“ есть эмблема. Но ее сотворяет определенная воля к власти— нового ядовитого божества; и оно, ядовитое божество, говорят, появилось в кометном хвосте, через который промчались мы семилетием ранее.

Отравление этими ядами — пока призрак. Но воплотить этот призрак зависит от нас:

стоит только поверить нам во всемогущество радикала „циана“: „циан“ воплотится.

Может быть мы отравлены верой в цианистый кали; и он в нас; может быть и открытие в спектре кометы циана—эмблема отравы, в нас вызвавшей ужасы современной войны? Может быть прохожденье чрез хвост заряженный тончайшей отравой пресуществило наш воздух; научные методы, завтра утончившись, вскроют: тончайше отравлены мы; изменение мозговых веществ—следствие этого; и от этого человечество изживает себя теперь в войнах.

Это все разумеется—басня: но басни—эмблемы; они—воля к действительности; они—ее творчество; в таком случае и эмблемы крутящихся масс с всемогуществом ядовитого газа суть прорези творчества призраков, разрушающих мир; когда будет разрушен он, то останется неразрушенным призрак: он снимет личину иллюзии.

4.

Выражение кризиса мысли—в призвании к власти абстракций; мысль задолго до Канта—абстракция. Кантианство—введение абстракции на престол: коронование ее властью.

Долго зревший нарыв, не прорвавшись во вне, прорвался внутри мысли: кантианство— рассасывание отравленной крови. Есть величие в нем.

Кант—симптом смерти мысли. Представления о жизни мысли подорваны в Канте. Мысль—убила мир, „я“: она—гильотина; природа есть грубая чувственность; невоплотима она; воплощенность — „природа в себе“; понятие воплощения связано с понятием „организма“; организмы — непознаваемы; опознанье природы есть опознание действия прикосновения к ней математических и динамических категорий. Воплощение мысли в природе немыслимо; мысль о природе есть мысль о законах ее.

5.

Всякое знание непосредственно; оно—факт; в наблюдении факта слагается знание о факте. Наблюдая цветок — б е л ы й л а н д ы ш — я в нем вижу его белизну и количество говорящих мне цветков; переживаю его моим внутренним чувством; в переживании факта сливаюсь я с фактом: первоначально: что нибудь доказать только значит д о - у к а з а т ь, довести до реального прикосновения с фактом; прико-

сновение—соединение с фактом; я беру его как дитя в мои руки: его покрываю душою; до-указать—это значит: коснуться душою; первоначально „be-wahren“ имеет один только смысл: покрыть правдою факт; это значит: его о-правдание. Оправдание ландыша — излияние в него моей правды о нем; одушевление ландыша.

Первоначальное доказательство есть оправданье душою; первоначальное доказательство есть братанье: „Я—Ты“.

Вот импульс науки. И первые души, пошедшие на этот братский призыв к возрождению мира, философы Греции: „все полно богов“, — лозунг свободы к стихиям: возвышение элементов до жизни; элементарные божества мифологии суть воспитанники философской любви; мир „дриад“—оправдание растительной зелени. Мифология есть распашка пустыни земной первобытной любовной наукой.

И позднее: ученые возрождения были мудры воистину. В их касаньях природы—природа нам образ. На науку откликнулись: Микель-Анжело, Леонардо да-Винчи; любование миром раковин есть интимнейший импульс создания теории раковин. Но любовное

созерцание естества подменилось жестокостью: созерцанье возжаждало раскромсать все явления; и из мельчайших частей воссоздать манекен; орудия опыта нам становятся орудием пытки; доказать—стало значить: кромсать на мельчайшие части; из частей сложить манекен, лживую пародию факта; и об'ясненьем пародии об'яснить мертвый факт; первоначальное доказательство ландыша превратилось подменой его спиртовым препаратом. Доказательство превратилось в убийство; вместо ритмов космической жизни пошел „danse macabre“: в механической зыби погиб мир природы; трясущийся остов с пустыми глазницами—есть он.

6.

Нет органики мысли: взгляд на мир—это взгляд сквозь машинную мысль; и цвет мира зависит от мысли; и от того мир—машина, единственная конструкция мысли. Познавательный акт есть бестворческий акт. Все системы до Канта об органической мысли—ошибки; в них нет знания акта познания. Все системы в мире разлагали мы разумом на отдельные акты познания, слагающие взгляд на мир;

Библио

допускали: раз связь между актами установлена сообразно законам, то эта связь безошибочна. Но эти связи надстройки над связями, протекающими внутри отдельного акта: анатомия и физиология отдельного акта не была еще вскрыта. Кант нам вскрыл познавательный акт.

7.

Что же есть познавательный акт?

Приложение механической мысли к материалу чувств, данному нам. Чувственно данные элементы и рассудочно-данные Кант впервые нам выявил. И выявил: два момента рассудочных внутри акта: момент установки рассудочной формы, и во вторых: установки условия возможности формы (как-бы формы формы); это последнее — сопровождение акта мысли единством „я—м ы с л ю“. Содержания нет у единства: содержание это есть чувственный опыт: когда я мыслю „с е б я“, то это „я“ только чувственный материал: сверхчувственное содержанье не мыслимо: наше „я“—в акте мысли—материя, не могущая иметь никакого единства и оформляемая в отношениях установимых „я м ы с л ю“: „я“—пустейшая форма сопровождения мысли.

Отношения (двенадцать единств)—категории; это пределы абстракций; обобщенья всех мыслей—пределы возможного подведения содержаний к бессодержательным формам рассудка, имеющим значимость лишь в математике, в физике.

Категории делятся Кантом на группы: в первой группе мы получаем понятие о числе; во второй о материи, качестве и реальности; представления наши о реализме суть фикции; res — всегда материальная вещь. Реальность есть форма рассудка, один из двенадцати его клавишей: пустой вымысел головы. В третьей группе нам вскрыты законы: понятие акциденции и субстанции, понятие причины и действия, понятие взаимодействия—суть понятия значимые в одном только смысле: они—оформляют нам чувственность; так приходим к законам: причинности функциональной зависимости; и получаем мы право: на утверждение бытия мира... физики. В группе последней формалистический смысл получают вопросы о бытии, истине и действительности: содержания у бытия и у истины нет; истина только форма понятия. Каждая из групп категорий приложима лишь к чувственности; мировоззрение есть логическая ошибка: рас-

ширение категорий; приложение категорий к материалу чувств образует нам систему науки; в умении приложить категорию создается нам метод: смысл метода—фикция.

Двум моментам познания противопоставлены чувственные: чувственность связуема в две формы—в пространство и в время; в пространстве и в времени происходят синтезы многообразия чувственных элементов; соединение временных элементов с пространственными происходит в законах „фигурного синтеза“; и уже после этого синтеза материал подается рассудку; одна из двенадцати категорий, выражаясь образно, опускается к материалу, своеобразно располагая его: расположение материала зависит 1) от чувственных синтезов; 2) от подведения их под одну из рассудочных категорий; от характера подведения зависит в нас самое содержание мысли; категориальной печати, штемпелюющей чувственность: штемпель — закон.

Содержание акта мысли по Канту есть штемпель формы (абстракции) на известного рода об'еме оформленной чувственности. В мышлении не вскрывается собственно-содержание; материал содержания напоминает нам

тюк, отовсюду зашитый рогожей; содержание мысли есть знак на рогоже одной из печаток; что внутри тюка — неизвестно: может быть, внутри тюка—сор, может быть, внутри — золото: такова „в е щ ь в с е б е“; убедительно доказуется, что она есть иллюзия. Вообразите себе, что вы ждете багаж; вы его получаете: станционный жандарм на нем ставит отметки печатью; вы хотите багаж с собой взять, но у вас отнимается он указанием, что внутри сундуков ничего быть не может; размышление о содержании сундуков—пережиток скверней, шей привычки: заботы о собственности; содержание собственности лишь отметки жандарма печатью; содержание вы прочли; содержание в вашей душе. Собственность осталась не вскрытой. Как бы ни было, вы остаетесь при мнении, что теперь вы ограблены станционным жандармом; вместо собственности принесли вы с собой—силлогизм...

Кант ограбил нам мир; и похитил нам мысль; великолепные колонны соборов из мысли—12 пустейших абстракций; вместо стен—две формальности: время, пространство. Вместо купола—форма: „я—мыслю“. Яркий мир заменен отвратительным миром.

8.

В познавательном акте по Канту есть два оформления: в чувственном и в рассудочном синтезе. Чувственность не соизмерима с рассудком; элементы ее не проницают понятия: если последние суть печати, а чувственность — лист, то передача печатного оттиска на бумагу предполагает чернила (соизмеряющий элемент), дабы акт познания — был.

Таковые чернила есть кантова схема, а схематизм понятий рассудка есть метод изображенья их в образах (определение схемы рассудком); определение чувственностью таково: схема есть воображение чувственности; то есть, она есть слепая способность души; есть двенадцать схем (сообразно 12 категориям). Схема есть отнесение категории к времени; например: схема времени в форме количества — линия.

Если мы отнесем схему Канта к рассудку, то не ясно, что схема — понятие в образе; что есть о б р а з для мира понятий рассудка? Оставаясь в духе Канта, должны мы сказать: образ — чувственный образ; рассудочный образ — невнятица. Изображенье понятия в об-

разе предполагает возможность проницанья понятия образом; и сказать «понятие в образе» значит — сказать: сотворим из песка, содержанья, песочную форму; образность присуща рассудку; проницает он чувственность: но тогда познанье было бы не формальным, как того хочет Кант; и миры «вещей» были б вскрыты: мышление бы носило тогда органический смысл.

Если мы отнесем схему Канта к воображению чувственности, то неясно воображающее начало ее: чувственность есть глухой материал, совершенно пассивный, а активная сторона познавания коренится в рассудочности: в чувственность вписуем закон; самостоятельный творческой роли она не имеет. Если схема относится к чувственности, то определение Кантом последней — определенье неверное.

Схема, воистину, не относима ни к чувственной стороне познавательных актов, ни к их рассудочной. Акт познания в аналитике Канта рисует не две, а три части; изображенье понятия в образе допустимо в том случае, если метод и образ пересекаемы в третьем начале: воображенье чувственности не слепо-чувственно. Схема есть способность

души, нераскрытая Кантом; велика ее роль в познавательном акте у Канта; не будь ее, — мир бы не мыслился мыслью; не было б мира мысли; чувственность должна в ней быть пронизанной до ядра; «вещь в себе» ею вскрыта же. Но все это невозможно по Канту.

Схема есть необходимый момент в познавательном кантовом акте; она может быть лишь начало, одинаково упреждающих половины познания (понятие, чувственность); она — цельность познания, лежащая вне рассудка и чувства; акт познания, стало быть, начинается не с наложения категориальной печати на материале познания, а с первичной вне-чувственной, вне-рассудочной цельности; далее, эта цельность щепится внутри познавательных актов: на категорию и предмет; только третий момент соответствует приложению категориальной печати: содержание, так добытое, есть природный закон; закон создает из картины вне-чувственных, вне-рассудочных отношений картину в подобии рассудочно-чувственном.

Схема — творческий образ: законы познания — произведения творчества; познавательный акт — организм; в нем из двух половинок действительности создается действитель-

ность собственно, которая есть ни мир (в прежнем смысле), ни мысль (в прежнем смысле): мировые мысли слагаются в нас миром мысли, и воплощают чрез нас мироздание.

Мы творим в мире мир.

Это все вытекает из акта познания, если в нем схему Канта поставим мы на надлежащее место; акт познания 1) вне-рассудочен, 2) «вещь в себе» и мир «ноуменов» не лежат за пределами мысли и мира, а в мысли и в мире: «вещь в себе» и мир «ноуменов» есть единство процесса познания; познавательный акт не машина; он есть существо жизни мира и мысли; существо это — дух; познавание, плоть его — вечное становление, не могущее стать ни понятием (формою), ни материальным предметом; понятие и предмет — две абстракции плоти познания; отпечатки текучей игры; жизнь лица непрерывна; отпечатки не выразят смену жизни лица; между ними — предел, перерыв; представления о познании, данные в формах, рисуют познание, как имеющее свой предел; но познание — беспредельно: границ не имеет; течение струй безгранично, вне-форменно; познавательный акт есть струя; изобразить познавательный акт в его формах — сложить

соляные кристаллы в живую струю; надо их растопить: и они — потекут. Познание беспредметно; предметы познания — внутри познавательных актов, кристаллы раствора внутри растворителя; отношенье кристалла к раствору и есть отношение мира к познанию: мир понятий, предметов, форм, образов кристаллизуется внутри познавательных актов. Познание — имманентно предмету познания; противоположение понятия и предмета, т. е. мысли и мира — момент внутри акта; в этом отдельном моменте нам кажется, что познание трансцендентно; и фикции трансцендентности — «вещь в себе» и «нумен».

Это — тени теней.

Наше познанье 1) текучее, 2) беспредельное, и 3) имманентное правде.

Подобие жизни его внутри нас — органический, растительный мир; и отбросы — минеральные части.

Эти отбросы познавательной жизни живописует нам кантов акт: в нем опознаны минералы; и — неопознаны организмы.

В живописаниях органической жизни — живописанье познания, обращенного на себя; живописуемо тайное жизни в культуре познания.

Познание есть культура воистину прорастающей жизни из мертвых кристаллов рассудочных форм.

9.

Представление об органике мышления от противного возникает в нас при рассмотрении выводов знания; его истина определяется методом, а методов — много; они раздробляют ответы об истине мира; вместо истины — круги истин; не соблюдаема однопутейность науки; плюрализм — мировоззрение наших дней; в каждой серии опытов возникают иные ответы; возникают потребности перевода серии опытов в смежные серии: серии истин физических в истины химии. В современном научном воззрении вместо истины «*A*» мы имеем круг истин, круг методов; если их двенадцать (по количеству кантовых категорий), то истина «*A*» разрядится по кругу 12 истин 1) *a* 2) *b* 3) *c* 4) *d* 5) *e* 6) *f* 7) *g* 8) *h* 9) *i* 10) *k* 11) *l* 12) *m*. Вместо истины «*A*» — много истин. Или истины нет, или истина истин — в сложении ее методических смыслов: в материализме смысл ее «*a*»; в математизме он «*b*», в рационализме он «*c*» и т. д.

Проще: «A» ни в «a», ни в «b», ни в «c» «A» есть сумма: $A = a + b + c + d + e + f + g + h + i + k + l + m$. Смыслы истины «$a$» в круге «$b$» преломляются, потому что круг «b», отмечая иные черты общей истины, видоизменяет оттенок ее; так что «a», расширяяся в «b», в «c», в «d» постепенно становится истиной $^{a}{}_{b+c+d+\ldots}$, т. е. истиной преломленной всем кругом истин; «b» становится $^{b}{}_{a+c+d+\ldots}$; «c» становится в свою очередь $^{c}{}_{a+b+d+\ldots}$; словом: истина «A» определима:

$$A = (a+b+c+d+e+f+g+h+i+k+l+m) + \left({}^{a}{}_{b+c+d+\ldots} + {}^{b}{}_{a+c+d+\ldots} + {}^{c}{}_{a+b+d+\ldots} + \cdots\right)\ldots$$

Этот процесс может дальше продолжаться:

$$A = (a+b+c+\ldots) + \left({}^{a}{}_{b+c+d+\ldots} + {}^{b}{}_{a+c+d+\ldots}\right) + \left({}^{a}{}_{{}^{a}{}_{b+c+d+\ldots}} + {}^{b}{}_{{}^{a}{}_{b+c+d+\ldots}} + \ldots\right) + \ldots$$

Вместо абстрактного определения истины мы имеем конкретное определенье текучести

изменения ее; смысл ее динамичен: беспрерывно ростет; непрерывный рост смысла относится к мигам смысла (a, b, c и т. д.): к ритмическим жестам своим; процесс наростания смысла в понятии метафизическом «A», в многообразии методических преломлений (a, b, c, d и т. д.), в преломлении каждого метода методом $\left(\frac{a}{b+c+d+\ldots}, \frac{b}{a+c+d+\ldots}\right.$ и т. д.), в преломлении совокупности преломлений — процесс наростания смысла беспрерывен, текуч: в нем отдельные смыслы суть капли: радуга возникает из них; это — смысл. Или истины — нет, или истина — жестикуляция смыслов. Учение о динамической истине предполагает ее, как текучую форму: как форму в движении; представленье о форме в движении — представление об организме; организм — текучее многообразие в нераздельном; единство в нем целостность; элементы же ее вне ее суть пустые застылые формы; представленье о двух половинах действительности в познавательном акте обусловлено нераздельной цельностью их; Кант чрез нее перепрыгнул: категории Канта — условия данности; между тем они нам даны. Данность Кантом не вскрыта; оттого то и точка начала

познанья у Канта — внутри акта познания находима как тень: и эта тень — схема.

10.

Учение о динамической истине нам меняет и самое представленье о мысли: смыслы истин — растения; учение о статической истине уподобляемо отношенью к зерну: зерно истины, данное как понятие, преждевременно потребляется нами; если бы мы посадили его, то оно — проросло бы ростком многозернистого колоса; зерна колоса проросли бы пучком; от пучка всколосилось бы поле; бескорыстное отношение к истине множит круг ее жизни; определение ее не в зерне, а во множестве зерен. Истина «*А*» не в зерне: в ритме зреющих зерен.

Систематическая представляемость осуществима в познании Канта; она нас приводит к системе пустых не наполненных содержанием форм.

Текучая представляемость осуществима лишь в органическом мышлении; систематическое мышление определяет его: таковое мышленье — интуиция. Невозможности интуиции вытекают нам из анализа кантова акта; но

поправляя Канта в установлении его с х е м ы, приходим мы к тезису: акт познания не рассудочен, начинается он вне рассудочных противоположений категории чувственности; начинается он с установленья единства процесса: с кипения образов, не щепимых в предмет и в понятие; акт познания не кончается наложением категории на предмет; кантов механический акт схематизирует живую пучину. Схема сужденья a p r i o r i такова:

$$A + B = C$$

Но под «A» разумеем $(a+b+c+\ldots)+{}$ $+\left({}^{a}{}_{b+c+\ldots}+{}^{b}{}_{a+c+\ldots}+\cdots\right)+\ldots$; под «$B$» разумеем: $(m+n+\ldots)+\left({}^{m}{}_{n+p+\ldots}+\right.$ $\left.+{}^{n}{}_{m+p+\ldots}\right)+\ldots$; под «$C$» разумеем: $\left[(a+b+\ldots)+\left({}^{a}{}_{b+c+\ldots}+{}^{b}{}_{a+c+\ldots}\right)+\right.$ $\left.+\ldots\right]+\left[(m+n+\ldots)+\left({}^{m}{}_{n+p+\ldots}+\right.\right.$ $\left.\left.+{}^{n}{}_{m+p+\ldots}+\cdots\right)+\ldots\right]$.

Если a, b, c, m, n и т. д. — многорядные преломления «A» и «B» как понятий суб'екта и предиката, то суждение, взятое в рассудочном смысле — эмблема суждения-собственно, которое вне рассудочно; оно есть:

Суб'екты Предикаты

$$\underbrace{(a+b+c+\ldots)}_{A}+\underbrace{(m+n+p+\ldots)}_{B}=C$$

Т. е. суждение это есть в сущности вот что:

$$\left.\begin{matrix}a+b\\m+n\end{matrix}\right\}=(a+b)+(m+n).$$

Суждение — умозаключение:

$$\left.\begin{matrix}\text{Я — человек}\\\text{Человек — смертен}\end{matrix}\right\}\ \text{я — смертен.}$$

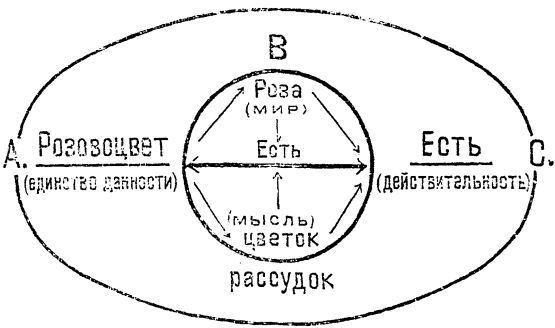
Умозаключение есть опять таки схема рассудка о динамической мысли.

11.

Кант полагает понятие в основу своей аналитики: понятие предопределяет суждение; понятие гносеологически первее его. Рудольф

Штейнер с убийственной ясностью говорит: суждение — положенья понятия в основу теории знания гносеологически первее понятия: против этого кантианство не в состоянии защититься.

Но суждение, определяющее понятие, т. е. такое суждение, где понятье суб'екта (роза) и предиката (цветок) суть единство — суждение sui generis; оно утверждает «розоцвет»; разлагая его на материальный предмет (роза) и на форму (цветок); соединяет далее обе части единства в рассудочном смысле

Чер. 1.

(роза есть цветок); смысл суждения в утвержденьи его как действительности («розоволцвет»), являющейся в двух своих формах: в предметной (роза), в понятийной (цветок); оно — существо жизни мира и мысли, единство их (розоволцвет — есть). Подлинный акт познания начинается до кантова акта; и кончается после кантова акта (черт. 1).

Рассудок внутри мира разума; кантов акт познания — внутри собственно акта познания; суждение — первее понятия.

В сущности акт суждения состоит из трех суждений: суждения положения, суждения в рассудочном смысле и суждения утверждения двух первых суждений, как действительности мира и мысли:

$$A + B = C$$

$$(ab) + (a + b)$$

(розоволцвет) + (роза есть цветок) =

$$= \left.\begin{array}{l}\text{роза есть}\\ \text{цветок есть}\end{array}\right\} \text{розоволцвет.}$$

12.

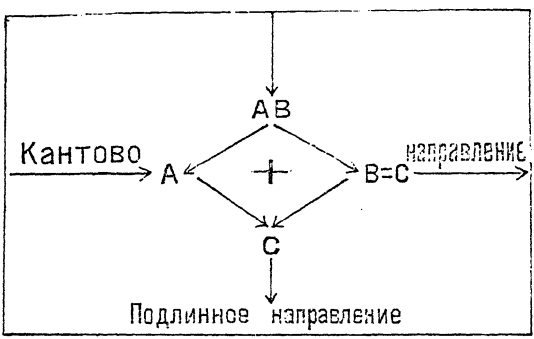
Суждение гносеологически первее понятия; понятия предиката субъекта в суждении не рассмотримы в отдельности от суждения, положившего их.

Кант слагает суждение из понятий субъекта и предиката вне суждения, положившего их: в суждении, полагающем их, предикат и субъект вне-понятийны и вне-чувственны.

Суждение кантово изобразимо, как

$$A + B = C.$$

Суждение изобразимо иначе:

Чер. 2.

Взгляд на него перевернут.

Умозаключение — связь суждений — относится к разуму; жизнь суждения относима к рассудку; Кант относит суждение и понятие к однородной рассудочной сфере; этой сферы касается аналитика; диалектика — есть ученье жизни умозаключений.

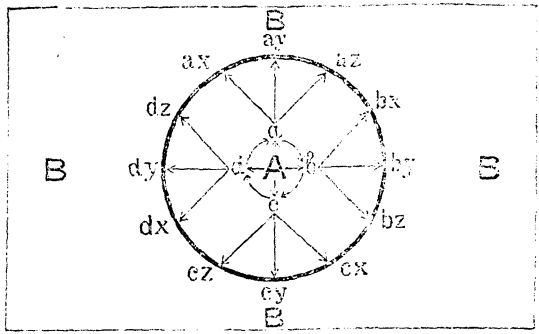
Между тем: меж рассудком и разумом проводима граница не там, где она проводится Кантом, потому что и сфера суждений есть сфера разума: рассудочность — только в сфере понятий.

Предикат и суб'ект разряжаются в многорядности их оттенков; заменяя суб'ект всей динамикой смысловых контрапунктов его, утопляем единство суб'екта кругами суб'ектов; точно также: в понятии предиката мы топим единство многообразием оттенений его; сужденье рассудка — абстракция суждения разума; в каждом суждении, собственно говоря, многообразие суб'ектов и предикатов: Роза есть цветок — суждение изобразимо графически:

есть

$$A \longrightarrow B$$

Но если «A» $= a + b + c + d$, «B» $= x + y + z$, то суждение динамическое расширяет сужденье статическое многообразием метаморфозы значений:

Чер. 3.

Истина суждения, графически выразимая в схеме рассудка, как «A» есть «B», топится в многообразии своих жестов: $ax + bx + cx + dx + ay + by + cy + dy + az + bz + cz + dz$. Она — ритм конкретных оттенков. Она — идея оттенков. Идея — невыразима в абстракциях; она — жест многообразия всех абстракций; она — образ абстракций; она — организм архитектоники их. Таково негатив-

ное определенье идеи в условиях абстрактного мышленья. Разум — образует идеи: рассудок — понятия. Так определяет нам разум и Кант. Кантов разум — рассудочный разум; познавательный акт, начинаяся вне рассудочной сферой, не определяем в понятиях рассудка: он — в разуме; внутри разумен рассудок; он для разума проницаем: разум непроницаем рассудком. Заключения Канта о разуме и идее не вскрыли нам разума; вскрыли они искривленья рассудка; в перечисленьи кривизн заключается диалектика кантовой критики разума; Кант полагает, что вскрыл иллюзорность идеи; между тем он вскрыл нам: несостоятельности рассудочных заключений о разуме; несостоятельность аналитики Канта вскрывается; акт познания трансцендентен всем подлинным вскрытиям акта: кантово познавание познаванию запредельно.

13.

Отношение меж сферами разума и рассудка открывается философией духовной науки. Хорошо нам рисует жизнь разума Штейнер: множество понятий рассудка в разуме есть текучее множество, определимое ритмом

градации множеств[1]); идея имеет по отношению к понятиям рассудка не абстрактно-логический, а ритмический смысл; идея не изобразима в понятии: в метаморфозе понятий; уразуметь ее—значит: уразуметь ритмы способов ее выражения; идея не может быть данной в статическом виде, т. е. в одном оформлении; между тем: понятие — оформление; как таковое, понятие—пусто; идея дается лишь в круге понятий; здесь понятия круга—отдельные жесты, рисующие совершенно конкретный характер идейного мышленья; понятие об идее имеет всегда лишь условный, прообразующий смысл; в понятийном смысле идея-понятие будет всегда только ложью; и критическим средством рассудка разоблачаема ложь; понятие в собственном смысле и понятие об идее, изобразимой, как ритм понятий,—два характера взятия этих понятий; относятся друг к другу они так, как эксотерика к эзотерике; понятие об идее—эзотерично насквозь. Потому то и прав Рудольф Штейнер: «Истины, принадлежащие к целой системе воззрений, понимаемы правильно лишь в их взаимооб-

[1]) Grundlinien einer Erkenntnisstheorie der Goetheschen Weltanschauung. Verstand und Vernuft.

щенья... Этот глубокий их смысл... эсотерический смысл. Последний лишь уловим для того, кто ознакомился со всем... кругом воззрений, к которому принадлежит воззрение единичное... Истины же..., взятые вне сочетания истин,—называются истинами эксотерическими»...[1]). Отношенье идеи к понятию—отношение становления к ставшему: определяет «*B*» ведь не «*A*», а весь круг *A*, *B*, *C*, *D*; суждение «$A + B$» есть пустое вне круга $ABCD - ABDC - BCAD - BADC - BDCA - DBCA$ — и т. д.; «*A*» в суждении «$A + B$» определимо на фоне из сочетаний и переложений *A*, *B*, *C*, *D*, вне которых суждение «$A + B$» будет пусто, рассудочно; эсотерическое взятье суждения в круге утопит статический смысл его в становлении многообразия смыслов; и проявится новый смысл, относящийся к первому смыслу, как ритм.

Говорит Рудольф Штейнер в коментарии к гетеву тексту: «Возникновение, становление неуловимо рассудком и в понятии не пред-

---

[1]) Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften; IV Band, Zweite Abteilung, 127. Примечание к гетеву тексту.

ставляемо. Вместо самого становящегося рассудок нам устанавливает: ряд изолированных... единичных вещей».

В символику, в имагинацию разрешается в разуме познавательный акт. Проэкция динамических актов в рассудочной статике изменяет и взгляд на характер того, что мы можем назвать мировоззрением-собственно. Мировоззрение сменилося методом, а—методов много; в настоящее время может господствуют мировоззрения в многообразии жестов. «Многоразличие коренится в многоразличии мира рассудка. Тут освещается нам и различие в развитии научных метод» [1]; он, Р. Штейнер, рисует нам до двенадцати картин мира; и обычная истина «A» приложима в них до двенадцати раз; она не «A», а $A = a + b + c + d + ...$

Мировоззрения эти: 1) спиритуалистическое, 2) пневматическое, 3) психическое, 4) идеалистическое, 5) рационалистическое, 6) математическое, 7) материалистическое, 8) сенсуалистическое, 9) феноменалистическое, 10) реалистическое, 11) динамическое,

---

[1]) XXXIII Курс для членов Антропософического О-ва.

12) монадическое. Каждое преломимо во всех. Мировоззрительный зодиак возникает пред нами; сначала «*12*» их, потом «$12 \times 12 =$ $= 144$. Кроме мировоззрения, Штейнер вскрывает нам «*7*» основных настроений: 1) гностицизм, 2) логизм, 3) волюнтаризм, 4) мистицизм, 5) эмпиризм, 6) трансцендентализм, 7) оккультизм; 144 возможных мировоззрений преломляемы «7×7» мироощущеньями: $144 \times 49 = 7056$ модификаций абстрактного смысла. Далее: многообразие нюансирует он тремя тонами отношения к миру: 1) теизм, 2) натурализм, 3) интуитивизм; тоны эти опять-таки друг в друге множатся: $3 \times 3 = 9$; $7056 \times 9 = 63.504$.

Феноменология Штейнера допускает до 63.504 нюансов отдельного абстрактного положения. Смысл абстракции по отношению к своему текучему смыслу есть $\frac{1}{63504}$ этого смысла.

Образ подлинной мысли дается в проэкции рассудочной мысли; проэкция явственно намекает на отношение подлинной мысли к абстрактной.

Рудольф Штейнер рисует и методы, приводящие к постижению in concreto, того

что есть мысль в становлении, разбивающем на абстракции корку: из разрыва взлетают 63504 оттенка ее. Такой взрыв мира мысли в разбитом понятии уподобляем погибели старой мысленной формы в огне содержаний. Это есть революция, ниспровергающая старый строй.

14.

Рудольф Штейнер дает нам блестящую критику Канта.

Кант не ставит вопроса о том, чем должно быть познание; и берет его данным; между тем: данность эта не данность; в ней не может уж быть разделения на познанье и на мир. Познание начинает с анализа самой проблемы о данности; но такого анализа нет нам у Канта, который вскрывает структуру познания данного нам; но познание, данное нам, может быть непознанием; во-вторых и Кант не ставит вопроса о том, что же есть a priori, а ставит вопрос, как возможны они; a priori являются просто условием опыта, а под опытом Кант разумеет нам чувственный опыт; между тем: опыт мысли есть опыт; и опыт—сверхчувственный; a priori опыта

чувств сами суть материал: познавательной деятельности; кантовы a priori по отношению мира чувств; но лежат они внутри опыта мысли: кантов опыт есть половина опыта собственно: понятия и идеи суть эмпирия для мысли; идеальное есть предмет, как реальное; Кант критически не раскрыл нам понятие идеального опыта; и вскрыл, что деление на суб'ект и об'ект—внутри опыта мысли, которая вне суб'ектна и вне об'ектна; потому что суб'ект и об'ект—дефиниция мысли; а у Канта «я—мыслю»—условие мысли; но «я—мыслю»—лежит внутри мысли.

Познание—имманентно действительности; а у Канта действительность трансцендентна познанию; трансцендентное познанием невскрываемо; и действительность Канта—абстракция, форма.

15.

И суб'ект и об'ект это ставшее мысли; об'ективно ставшее—чувственная форма по Канту; об'ективация опыта—чувственность в научном законе.

Опыт собственно начинается с становления; в становлении нет еще став-

шего, предметного мира и абстракции мысленных форм. Становленье — кипенье фантазии, образующей образы мира мысли. Акт познания начинается с кипения образов; образ мира и мысли — единство в кипении; в той еще невнятице для рассудка, по теории знания Штейнера, и начинается познавательный акт. В этом первом моменте действительность нам дана не как действительность-собственно, которую мы должны еще воссоздать в познавательном акте; в своем первом кипящем аспекте, она, говоря языком обыденным. «с у б ‘ е к т и в н а», случайна; в этом смысле и нет ее; ее нет еще в кантовом представлении. «Я», познание, творчество, мир суть бессвязно кипящие части. Из кипения остывают нам н а к и п и (материя и понятие); эти накипи суть расщепы уже остывающей лавы: приложение к опыту категории (кантов акт) не есть акт, а лишь жест, долженствующий указать, что творится в познании: в результате его восстает образ мысли; он есть о р г а н и з м; здесь мысль переходит из состоянья абстракции в существо; материя становится духом; познание только в этой действительности; если данности не осуществляют познанию вмененную цель (быть имманентным дей-

ствительности), то познание не познание. Вместо того, чтобы выяснить, почему познание—не познание вовсе, вместо того, чтобы вскрыть связь познания с познанием-собственно, Кант начинает с разбора вопроса о том, почему познание, данное нам, не в состоянии вскрыть картины действительности, продиктованной смыслом; анализируя акт познания, натыкается Кант на свою пресловутую схему; эта схема врывается беззаконной кометою в кантов мир; в нем она — след живого познания, не могущего найти себе место; схема распята на кресте, образованном линией грани меж рассудком и чувственностью и линией прикасания к предмету понятия.

Схема Канта—мертвец огневого познанья, которое остужено Кантом; мир и мысль—перекладины страстного креста; в подлинной постановке проблемы познания мир и мысль—это органы организма познания.

Познание — плоть вселенского существа, это—Логос: понятие и материальный предмет (мысль и мир) это камни, которые держит Строитель; действительность — купол, соединяющий камни; акт познания — Логосом построенный храм.

Таков взгляд на познание—Штейнера.

Если бы содержание мира было связано с содержанием мысли в начале познания, то познания не было-б. Если-б мысль порождала свое содержание мира, то познание не было-б деторождение: легкомысленно построенный суб'ективный мир. Штейнер нам говорит: «Только добытый через познание образ содержания мира, в котором соединены обе... стороны, может быть назван действительностью» [1]).

16.

Говорит Рудольф Штейнер: все входящее в область познания в начале познавательных изысканий должно быть отвергнуто; вне познания—начало познания; из вне-лежащего первый шаг—уж есть познавательный шаг.

Что же должно быть отвергнуто? Что не может быть данностью?

Мир, окружающий нас, не есть данность: мы читаем его сквозь условия чувственных

---

[1]) Рудольф Штейнер: «Истина и Наука», стр. 64 (русский перевод). «Духовное Знание».

и познавательных восприятий; восприятия эти суть связи понятий; поэтому: всякая связность понятий должна быть отвергнута; мир, окружающий нас, нам дан в шорах; в мировоззрениях понятия суть первичные данности: мы должны отрешиться от взглядов: представление о материи, силе, числе, о причинности, основании, сути, возможности, бытии, необходимости, истине и действительности— все должно быть отвергнуто. Это — формы понятий; привычка их смешивать с миром— огромна; категории мысли выгравировались во все восприятия мира вне нас, и этот мир, окружающий нас, есть не мир; мир—вне связей, мир собственно—вне-материален, бессилен, вне-численен, беспричинен, случаен, несущ, невозможен, неистинен, не действителен и т. д. Такой мир не способны вообразить мы себе; между тем дан лишь этот мир; но его для нас нет.

Чувственность не есть данность: чувственность нам дана в оформлениях категориальных понятий.

Мысль не есть эта данность; все мысли даны в связях чувств.

Остается нам понимать под первичною данностью хаос бессвязно-бунтующих волн;

ощущений, воззрений, чувств, волений, снов, фантастических образов, представлений, понятий, идей, сознаваний и «я». Таковую бессвязность условно называет нам теория знания Штейнера горизонтами чистого наблюдения, где нет мира и мысли.

Второй пункт предваренья познанья — в постулате: в лучине, нам данной, должны мы начать создаванье. Как его нам начать?

Чтобы было возможно начать что-нибудь, мы должны положить a priori: в область данного должно «нечто» входить, что и в нас входит деятельностью; это «нечто» есть мост между образом мира и нами; это «нечто» не чувства (качества их субъективны); это «нечто» — понятия, которые производим мы сами; как продукты понятия суть вне нас: как процессы — они идеальная деятельность: «мы» и «мир» пересекаемся в жизни идей; в эту жизнь вовлекаемся мы, и в нее вовлекаются образы данного мира.

Постулат — познание должно быть при условии соединенья в идее нас с миром — разделяет первичную данность на мир и понятия; третий шаг — восстановленье единства; он есть познавательный акт в смысле Канта: покрытие мира понятием.

Все, что нам гласит Кант, раскрывает механику акта; но условия возможности акта не вскрыты нам Кантом: 1) эмпирия данности в таком виде, как мы очертили ее, 2) веление, чтобы познание было подлинно проницающим, чтобы в нем мы и мир создавали действительное единство идеи. Эти условия безусловно критически добыты; и они нам вменяют: считать познавательный акт — интуицией, сливающей «нас» и «мир» в образ нового мира.

Данность кантова—чувственность; по отношению к собственно-данности, она—часть ее; в собственно-данности нет двучастного: есть кипение цельности; кантовы категории с точки зренья познания-собственно суть такие же данности, как и чувственность Канта. И оттого то: кантово приложение части к части—случайное приложение; не вскрывает оно ни одной части данного (категории), ни другой его части (чувств); недостаточность прорвалась в положение запредельного кантова мира.

Соединение двух частей познавания есть слияние, упраздняющее разделенные части в воображенной действительности. Все познание, данное нам, есть лишь схема познания-

собственно: есть лишь план храма творчества; осуществление храма, требует кроме черчения плана на плоскости (акта абстрактных познаний), — умения осуществлять этот план.

В обыкновенном познании не осуществим этот план: феноменализм познавательных данных актов (абстрактно-логических) — факт: Кант, вскрывая механику факта, не останавливается над вопросом о том, в осуществлении ли этой механики познание-собственно.

В нашем познании храм действительности не достроен; но вскрывая механику данного факта познания, мы в ней видим вменение: познание должно быть таким, каким очертал его Руд. Штейнер; познание-собственно предваряет огромнейший путь: фактического преодоления познавательных предпосылок.

17.

Сообразно велению, чтоб познание состоялось, должны мы: 1) отправиться от чистого образа мира в начертанном смысле, 2) установить процесс жизни мысли, пересекающей нас с этим образом, выделяя ту жизнь из

первичного хаоса, 3) соединить обе части. Только при этом условии соединение—будет: вне его оно будет: механикой наложения категорий.

Освобождение от познавательных предпосылок осуществит акт познания-собственно в том лишь случае, если будет оно не теорией, а действенным актом, потому что познание это определяется всей свободой от рабства иллюзий, в которых мы замкнуты.

Путь к свободе познания в праксисе снятия предпосылок, т. е. в ноге познания; эта нога познания необходимая предпосылка теории знания в феноменалистическом смысле; наоборот: в теорию знания-собственно она включена, как момент.

Только в ноге познания, т. е. в пути медитации, осуществляемо освобожденье начала познания от познавательных предпосылок; путь приводит нас: к установлению данности; и—разбивается на три момента: 1) освобожденье понятия от всего иного (понятие и образ мира даны в механическом, произвольном смешении: т. е. мир дан в случайностях мировоззрительных связей), 2) уразуменье процесса мыслительной жизни, 3) погруженье процесса мыслительной жизни

в освобожденный от всех понятийных коростов мир, где «я», «мир», «мысль», творчество, познавание суть единство.

18.

Если бы мы сумели снять связи понятий с картины нам данной действительности, то картина, нам данная, в нас естественно расковалась бы от всего, к ней примышленного: от материи, основания, чувств и ох органов, восприятий, причинности, бытия: снятие понятийных форм с мира данного обнаружило-б нам внутри нас: мир, нам данный, кипит; мир, нам данный, бушуя, в нас плавится, как вдруг плавится лед; материя закипела бы образами небывалых фантазий, причинность вскипела бы ритмами исторических мифологий: и—мифологий небывших; восприятия наших органов чувств переплавлялись бы в sui generis восприятия, нам доселе неведомые, бытие стало-б нам sui generis бытием.

Словом, нам показалось бы: все, что жило доселе в нас подсознательно, глухо, растительно, под корой материального вещества, теперь встало из павших порогов: переживали бы мы—передвиженье порогов.

Передвижение это возможно: в медитации, в практике мысли; медитация—в упражнении с вниманием, в развитии воленья к мысли.

В упражнении с мыслью достигнуто собственно — вот что: понятийный корост, прилипший к предметному миру, снимается с мира; предпринимается первый шаг к снятию коростов. А кипение образов в нас, изменение восприятий — есть что? Оно есть отраженье в застылом понятийном коросте всего того, что свершается с непосредственно данным нам образом (миром), когда снимем с него мы условные предпосылки познания, в которые мы его облекали абстракцией мысли: ощущение, будто мысли мыслят себя, ощущение, что они покрываются образами всевозможных фантазий и мифов, не есть мысли собственно, а зеркальное отражение в отодранной мысли того, от чего мы ее отодрали; от условности, отражений будем мы подниматься к умению чтения ритмов кипения мира; вся сознательность мысли обычной, каркасы понятий, останутся в нас; но каркасы понятий воистину превратятся нам в зеркала, отражающие кипения непосредственно данного мира, которого образы мы впервые увидим. Эта стадия освобождения от познава-

тельных предпосылок в умном деланьи мысли — в медитативном внимании; собственно говоря: лишь вниманьем к понятию понятие отрывается от нам данного мира, который мы видим теперь в своем подлинном виде — отраженным в понятии.

Эту стадию предваренья начала познания называет нам Рудольф Штейнер: имагинацией.

Далее следует нам: развить крылья мысли, чтобы узнать, что такое она в непосредственном виде своем.

Йога мысли, ведущая нас к началу познания—собственно, нам гласит: имагинацию следует нам разбить; непосредственный образ мира в душевном его выражении упразднить, и—остаться вне образов.

Собственно, в упражнении этом, погружаемся мы в движение жизни понятий, в процессы движения, роста, питания все-предметной, себе довлеющей и себя проницающей мысли. Что же есть упразднение образов? То же самое, что движение ветра на зеркальной глади поверхности вод: понятия — суть застывшие мысли; и снятые с мира, они отражают кипение внепонятийно бьющей природы его: и она в нем—фантазия; имагина-

ция есть зеркальное ее отображенье; упразднение фантазии есть развитие мускулов мысли: это—рябь на зеркальной поверхности мысли; и это—жизнь мысли; первоначальные прорези воистину мыслительной жизни — безóбразны, потому что движение мысли дробит отраженные облака мировых мифотворчеств; но эти ряби ростут; осознается жизнь мысли-собственно ритмами; в жизни собственно—мысли эта мысль одновременно находится в нас и в том образе мира, который нам дан непосредственно; первое соединение наше с миром мы узнаем в мире мысли; идея есть мост, соединяющий «я» и «мир»; идеологии суть теченье, произростанье доселе застывших понятий; и поэтому жизнь идей постигается нами двояко: иерархической жизнью ритма в нас и вне нас; что в нас музыка, то вне нас голоса иерархий; миры ангелов и архангелов—это мысли; и жизнь иерархий в нашей мысли и жизнь нашей мысли в образованиях мира—единство.

Эта стадия освобождения от познавательных коростов, нас ведущая к точке начала познания-собственно, есть по Штейнеру: инспирация.

Наконец в инспирации, в соединении нашей мысли с вселенной, в крылах этой мысли, как в ангеле, перелетаю «я» через пропасть, отделяющею меня от кипений вселенной; соединяюсь «я» с миром в единстве божественного: соединение это и есть интуиция.

То, что кажется нам непосредственным образом, образом мира, при попытке поставить его пред собой в непосредственной ясности есть интуиция.

Непосредственной данности нет, а есть интуиция: интуиция—Слово, создавшее мир.

Освобождение от познавательных коростов осуществляемо в праксисе духовной науки: освобождение это ведет от абстракций условных познаний через три познавания—к акту познания-собственно: имагинация, инспирация, интуиция суть три зоны познания в Разуме: имагинация отрывает нам мысль от всего в мысли чувственного; имагинация—преображенье ума; инспирация преображает нам чувство; интуиция преображает нам волю.

Освобождение от познавательных предпосылок есть вместе с тем: преображение чело-

века в духовное существо. В существе интуиции осуществляет познание свои цели: интуитивно построенный познавательный акт трех моментах своих: непосредственной данности, цепления на мысль и на мир, соединения мысли и мира в действительность-собственно есть творенье вселенной в трех моментах своих: 1) создание в Боге человека и мира, 2) выпадение человека и мира из божественных недр, 3) соединение человека и мира в преображающей мир человеческой деятельности, возвращающей человека и мир в Божество.

19.

Внутри познания-собственно, которое есть интуиция, заключены три раздельных и замкнутых сами в себе познавательных сферы: инспиративная, имагинативная и абстрактно-логическая. Эта последняя своим содержанием мыслит лишь чувственно данный предмет; образ-подобие нашей мысли есть мертвенный камень; имагинация своим содержанием мыслит предметы сверх-чувственные: это текучие образы; подобие имагинативной мысли — фантазия; фантазируя, мы приближаемся к предощущению состояний позна-

ния в имагинативном их виде: приближаемся к образу; наоборот, инспирация мыслит своим содержанием ритмы мысли; в ритмизации абсолютно-безóбразных мыслей предощущается, что содеется с нами в мирах инспирации; приближается к инспиративному миру—звук внутренний: он преисполняет нас гармонией сферы; интуиция мыслит свое содержание по образу и подобию того странного состояния, в котором я нахожусь, когда говорю себе «я е с м ь я»: «я» себя проницаю: «я» — «я»! Точно так в интуиции проницает познанием предмет интуиции: он становится тем единственно ведомым мне изнутри существом, каким «я» являю себя в утвержденьи: «я»—«я».

Можно условно сказать: есть единый намек на познание интуитивного мира; намек этот—«я»; мысль—намек инспирации; и на мир имагинативного мышленья намекает чуть-чуть символический образ.

Если б вскрылось нам имагинативное веденье, мир фантазии-б вскрылся нам в архитектонике своих ритмов; и мы видели-б: по каким законам конструкции оплотневают нам стили быта культур, начиная с огромных концепций, подобных концепциям Рафаэля и кончая — случайным орнаментом; нам бы

вскрылась природа фантазии жизнью стихийных существ, именуемых душами: и в сознаньи животных сумели проникнуть бы мы; состоянье это напоминало-б нам sui generis ясновиденье; имагинативное ясновиденье не есть слово пустое. Если б вскрылось нам инспиративное веденье, мир бы мысли нам вскрылся в архитектонике ритмов своих; и мы видели-б: по каким законам оплотневают нам философемы; и мы видели-б: зарожденье религий из их исконных истоков; нам бы вскрылась природа религии в иерархической жизни существ; и в сознанье цветов мы сумели-б проникнуть; инспиративное ясновиденье не есть слово пустое. Если-б вскрылось нам интуитивное веденье, то мир, «я», моего, многих «я» мы умели-б свободно читать; и мы видели-б: самоё образованье «я»; нам бы «я» открылось, как мир: мир миров. Соединенье «я» и «я» всего мира случилось бы в акте интуитивного веденья; и субстанция истинной логики «я» соединилась бы с Логикой собственно: страной Логоса; соединенье науки с Христом в науке духовности было-б мне: воистину космическим христианством: в интуиции «я», «Христос», Космос— единство.

Самосознание камня мне было-б открыто.

В имагинации — соединенье критической мысли, научной, с мифической, сонно-образной мыслью забытого прошлого в мысль образа: точная фантазия мысли — намек на имагинацию собственно; преодолеваются в ней две эпохи: старинного и нам данного мышленья; овладение стародавнею мыслью, которая есть сон, греза, в имагинации приоткрывает нам мир обычного сна: упражнение в имагинативном познании переносит сознание в сон и сон в бодрствование: преодолеваются состояния эти в единое состояние цельности, упраздняющее нам мир и мысль в их статическом смысле; имагинация соединяет душевные испарения чувств в нас с абстракцией представлений о духе в духовно-душевной конкретности; многоразличие и единство соединяется в представленьи многоразличий единства, единства различного; новый образ, здесь вскрывшийся нам—групповая душа; групповые души народов и групповые души животных суть образы типов: мир типов впервые вскрываем в имагинации-собственно; область символов скрыта здесь; и открывается здесь в своем подлинном виде, что собственно искал выразить Гегель, об'-

ясняя историю философии метаморфозами протекающей жизни идей, данных Гегелем в эмблематике их понятийной жизни; и становится ясным впервые стремление Гете выразить жизнь растений в оплотненье процессов в нас живо текущей фантазии. К точной фантазии мысли стремился оба они: но фантазия эта в понятийной форме своей негативна, абстрактна, феноменологична у Гегеля; и фантазия Гете еще своей чувственной формой опять таки негативна: биологична, плотна; и точной фантазии мысли еще не достигли ни Гете, ни Гегель. Но порыв их—огромен. И стремление тайное их—имагинация: имагинация недостижима без праксиса снятия с мысли понятийных коростов мысли; это снятие — долгий путь упражнений; и — без духовной науки почти невозможно найти Ариаднову нить, выводящую нас из лабиринта иллюзий, опасностей, путаниц к точной фантазии.

Имагинация—Мудрость.

В инспирации—соединенье фантазии мысли с еще более древнею, запорожной, забытой, глухою эпохой растительной мысли; эта древняя мысль и есть собственно жизнь: жизнь растений, которых сознанье еще не отделилось

от лона духовного: еще духовное лоно не вдунуло мысли в растения; и эта мысль их в духовном—глухом подсознании спящей их личности протекает как жизнь; образ растительной жизни уподобляем глубокому сну: сну без грез; сон без грез есть очень древнее состояние наше: он теперь в нас есть мир, где бываем мы ночью; но в этот мир не протянуто наше дневное сознание; овладение инспирацией открывает нам страны безгрезного сна: открывает сознанием нам миры бессознательности; в тех мирах мы куем себе судьбы; в мирах инспирации происходит впервые огромная встреча с судьбою; соединение необходимости и свободы лишь здесь постигаемо; упраздняется в нас образование фантастической мысли; и из них сквозь безобразность проступает впервые мир подлинно духов: новый образ нам вскрывшийся, это духи народов,—архангелы; существо жизни мысли вскрывается здесь нам как древо познания; это древо—одежда единого Существа: духа душ.

Мысль теперь есть София: Мысль-Собственно.

В инспирации углубляется в нас представление о духовной конкретности; в имагинации, так сказать, мы пронизаны духом до

нервов; в инспирации, так сказать, проницает духовность нам мускулы и сознательно движет нас; в инспирации все наши встречи — судьба; в инспирации все наши чувства — познания; в инспирации мысли — улыбки Софии.

Инспирация есть любовь; любовь конкретизирует Мудрость: в инспирации понимаем мы говор цветов.

В интуиции соединение софийности мысли с еще более древнею данностью состоянья сознания—столь глухого, что его не характеризуешь никак: разве только как чувство даже не жизни, а состояния космичности, «в с я ч н о с т и»: образом и подобием этого чувства в сознании нашем является: смерть; образ жизни камней есть эта именно форма жизни; и в этом мире «е с м ы м ы» до жизни; и — после смерти; он теперь в интуиции — мир, где свободно витаем мы: мир этот — мир засмертный; в интуиции мы в буквальнейшем смысле: во «в с е м»—вне себя; но мы именно там — у С е б я С а м о г о; мы — бессмертны; здесь смерть побеждается нами; соединение жизни и смерти мы здесь постигаем, как собственно жизнь в жизни «*Я*»; и это «я» есмь не «*Я*», а Христос; упраздняются в нас ритмы

собственно-мысли: и из вне-мыслия мысли впервые встает теперь Слово: говорит шумом времени: самосознание наше пересекаемо тут с самосознанием духов времени, т.-е. Начал: соединяются концы и начала: соединяется альфа с омегой: и линия времени—круг; разрываются оболочки софийности мысли на собственно Слово: и это слово есть Логос.

В интуиции углубляется в нас представление о духовной конкретности: здесь дух проницает нам, так сказать, наши кости.

Вселенная—кости Слов; а чувства и мысли суть мускулы Слова; нервы Слова суть «*я*»: человечество — организм, где «*я*» — органы Слова: мировая история — произнесение Словом слов; слова Слова есть творчество данного мира. И по образу Слова наш акт интуиции образует нам новый мир: и этот мир в мире данном: действительность.

Гносеологические предпосылки познания (отвержение познавательных коростов снятием коростов с мира и с мысли; и—прихождение к точке начала познания, которая есть бесформенный хаос, ничто) вызывает в нас три представления: кипящие образы, безóбразность ритмов, ничто; эти три представления суть прообразы давних былей сознанья: 1) косми-

ческого, 2) бытийно-растительного, 3) мифологического, преодоленные сознанием в нашем смысле в ему присущим познанием: Познанием, данным нам; а праксис мысли, осуществляющий нам условия акта познания-собственно заставляет нас строить образы трех высших познаний: имагинации, инспирации, интуиции.

Эти семь состояний сознаний, дающих нам семь познаваний и семь планов жизни, в нас вписаны. Философия, физиология, космология, антропология, логика духовной науки, вскрываемой Штейнером, развивается гармонично из безусловно критически-трезвого взгляда на его познавательный акт; философия духовной науки неуязвима критически; неуязвима критически феноменология духовного праксиса; философия, праксис ее — пересекаются в их единстве; и этим единством является: гносеология Штейнера.

Феноменология духовной науки нам вскроет семь зон архитектоники культур мысли: космической Индии, бытийно-растительной Персии, напоминающей произрастание зелени в свете Солнца — Ормузда, мифологического Египта — Луны, абстрактной, нам данной: и мысли—грядущего, культур трех эпох.

Физиология этой науки рисует семь типов строения организма, переплетенных в единство; называя типы строений плотями строения, имеем—учение о семичленности плоти: 1) о плоти минеральной, 2) стихийно-растительной плоти, 3) о солнечной плоти, 4) о мысленной плоти, 5) о плоти душевно-духовной, 6) о плоти духовно-растительной, и 7) о плоти духовно-телесной.

Космология духовной науки рисует семь стадий вселенной: 1) сатурново (тепловое), 2) солнечное (световое), 3) лунное (водо-воздушное), 4) земное (минеральное, твердое), 5) юпитерово (внутренно-красочное), 6) венерино (свето-звучное), 7) вулканово (внутренне тепловое).

Антропология в ней рисует учение о семи человеческих расах в семи состояньях сознания; и логика в ней рисует учение о семичленном строении познания в семи познавательных актах.

20.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога. И Слово было Бог... В Нем была жизнь...», т.-е. нераздельная, целостность мира и мысли... «И жизнь была свет человекам».

Свет берется в двух смыслах: в аллегорическом, в качестве духовного света Христова: «Свет Христов просвещает все». Свет берется и в смысле буквальном, потому что свет, свет невидимый, проницая наш свет, выявляется в нем, как поверхность свечения. Свет — единство мира и мысли: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И был вечер, было утро: день первый...» «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной. И был вечер, и было утро: день четвертый...»

Свето-мысль здесь щепится (первый день здесь переходит в четвертый): свето-мысль становится мыслью бессветной и светлым светилом (начало образования мира): из т е п л а органической мысли (с а т у р н о в а с о с т о я н и я) выявляется состояние мира, как состояние с о л н е ч н о е.

Тоже самое мы читаем и у Гермеса: «Слово Божие снизошло в нисшие сферы к творению природы... В жизни и свете—отец всего...»

Световая природа—природа природы, нам данной; и ее природа есть с в е т о - м ы с л и е; свет же Мысли (Софии) есть проявление Слова.

Слово здесь и н т у и ц и я; и внутри ее образуется свет, пересекающий светочи мира

и светочи мысли: здесь свет — и н с п и р а ц и я; выявление мира, как солнечного кипения струй — и м а г и н а ц и я мира, как образа. С в е т и л о есть Образ: и после уже этот образ становится астрономической, материальною данностью. Материальным свеченьем, З в е з д о ю, медленно переходящей в планетную, мертвую глыбу: в Л у н у.

Космос есть произнесенное Слово чрез Мысль: и состоянию космической мысли вполне соответствуют акты познаний ее, как культуры бытийственных жизней. Древнейшая Индия переживает ту область, которая вписана в нас с н о м б е з г р е з (пережитком) в с в е т о в ы х и з л и я н и я х; излияния пламени в древне-ведических гимнах есть мысль этих гимнов; и древнейшая Персия переживает вполне эту область, как блеск новорожденного Солнца: из очагов огромного пламени А г у р о м а з д а о впоследствии слагается М и т р а, который есть Солнце.

Переживает Египет ту область, которая есть сонная греза; с о н н а я г р е з а есть лунное отражение; в герметической Мудрости свет нам скрыт: он — оккультен; Тот-Луна — ведет к свету познания посвященных.

21.

Мы материю проницаем: проницание — в свете познания «*Я*»; но это «*Я*» не есмь «*Я*»: это «*Я*» — «я во мне». «Я свет во мне».

И этот Свет—светоч миру.

Прометеев огонь, нам рисующий человека с светильником, в небе зажженным, есть первое веянье, что космический познавательный акт (мировая история) внутри акта приводит к творению в Космосе нового Космоса: этот новый космос—познание человеческое.

Свет и «*Я*» суть расщепы огромного акта познания (негативы его суть субъект и объект нашей мысли); окончание акта: прорыв сквозь материю «*Я*» и его восстание в Духе и Истине. Одновременно же: прорыв «*Я*» в абстракции мертвых познаний.

«Бытие», «Евангелия», «Апокалипсис» нам рисуют реальнейший образ того, чем должно быть познание-собственно, по отношенью к которому познание, данное нам, есть бледнейший прообраз: есть схема. Кантов акт по отношению к познанию-собственно определим, приблизительно, так, как свою трансцендентальную схему определяет

нам Кант. Трансцендентальная схема по Канту есть метод изображения понятия в образах; акт познания Канта есть: изображение познавательных образов правды в понятийных методах. Изображение правды в понятийных методах по отношению к мудрому знанию все еще есть слепая потребность воображенья души.

22.

Познавательный акт должен быть интуицией. Формальные условия интуиции есть вменение, которое мы обязаны сделать, чтобы познание состоялось, — в начале познания: чтобы нечто было бы в нас и в непосредственной данности, в чем пересекались бы мы с непосредственной данностью; это нечто есть мысль: она—форма: продукт познавания; и она содержанье, как самый процесс; соединение содержания с формою есть одно из формальных условий интуитивного акта; окончание познавательвых актов—соединение с «*Я*» процессов бытийственных и процессов познания в образ идейного Существа; идея действительности есть прообраз самой сути мысли: Софии.

Отражение этого образа в двух расщепах единства (в познании, в мире) есть абстрактный логизм (Фило-София) и Эмпирия мира (София Земная); соединение мысли с эмпирией мира ведет к созиданию в нас Ее цельного образа: Софии Небесной; форма образа есть: Эмпирей; эмпирия есть часть Эмпирея; познавательный идеал есть другая часть. Соединение частей в человеческом «*я*»; соединение это в нас самое «*я*» расширяет и выявляет, что «*я*» есмь не «*я*», но во мне—Божество.

Развиваемый взгляд на познание не философичен, а антропо-софичен; логика антропософии есть Логика Слова: она—Христология. Идеология—ангелология в ней. Антропософия есть конкретная связь Христологии с антропологией-собственно. Теософия в ней из абстрактного гностицизма становится совершенно конкретной, духовной наукою.

Соединение ветхих, абстрактных небес (небес древнего гнозиса) с пучиною плотской в немеркнущий свет Эмпирея—подлинное окончание акта познания. Акт познанья, построенный в этом смысле,—отображение логикой Логоса: отображение это вменяет нам явственно: прочесть лик вселенной.

В трех моментах своих (восставанье первичного хаоса, данности, распаденья на мысль и предмет, и восстание цельности в идеальной действительности) — в трех моментах своих акт познания прообразует нам путь жизни: восставание в Боге «*я*», его смерти в Христе, и его воскресение в Духе и Истине.

Акт познания в кантовом, формально логическом смысле, есть реальное осуществление лишь второго момента из трех в познавательном акте: есть распятие личного «*я*» на перекладинах страстного креста: приговождение «*я*» к понятию и к чувственной форме. Наше «*я*», рождаяся в Боге, противополагается далее всему, что «не-я»: но оно должно принять то «не-я» (понятие, мир), как распятие: «*я*» в «не-я» распинается. Утверждая познанье механикой, утверждая мир механизм, распинаем в себе горделиво мы мир и мысль. Мы становимся тут разбойниками, ибо мы распинаем в себе воскресенье Христово. Исцеление нашей гордыни — в добровольном распятии; мы должны сказать частям и мира, и мысли: «я—это Ты»: понести бремя мира и мысли; понесение бремени есть путь на Голгофу: на Голгофе познания, в смерт-

ных муках становится ясным нам наш грех: «Помяни меня Господи».

Но этот возглас наш переходит в другой: «Не «я»—но Христос во мне».

Во Христе умираем.

Но в этой смерти свершается разодранье завесы во Храме: наше личное «я» есть завеса: за завесой—мы сами, восставшие в Духе и Истине.

Мы—в Боге родимся. Во Христе—умираем. И—восстаем в Святом Духе.

Три момента в познании есть Триединство. Познавательный акт отображает его.

1916.

Каталог Издательства „ЭПОХА“

Склад изданий: Петербург, Невский, 57.

Андрей Белый.

Котик Летаев. Роман.
О смысле познания.
Поэзия слова.

Поль Верлен.

Стихотворения, избранные и переведенные Ѳедором Сологубом. *(Печатается).*

М. О. Гершензон.

Ключ веры.
Исторические судьбы еврейства. *(Печатается).*

В. В. Гиппиус.

Лик человеческий. Поэма. *(Печатается).*

Ф. М. Достоевский.

Четыре статьи (неизданные). Предисловие В. Нечаевой. *(Печатается).*

Евг. Замятин.

Герберт Уэллс. *(Распродано).*
Чрево. Землемер. Рассказы. *(Распродано).*

Всев. Иванов.

Цветные ветра. Повесть.
Лога. Рассказы. *(Распродано).*

Николай Клюев.

Четвертый Рим.

Иванов-Разумник.

Заветное. I. „Черная Россия“.
II. Вечные пути. *(Печатается).*
Скифское. I. Иго войны. II. Две России. *(Печатается).*

Федор Сологуб.

Заклинательница змей. Роман.
Соборный благовест. Стихи. *(Распродано).*
Чародейная чаша.

Владислав Ходасевич.

Статьи о русской поэзии. Книга I.

К. И. Чуковский.

Книга об Александре Блоке. *(Распродано).*
Книги о Некрасове:

1. Некрасов как художник.
2. Поэт и палач.
3. Жена поэта.

Ольга Форш.

Индрыгин Сказ. *(Распродано).*

Сказки для детей.

Джек победитель великанов. С рисунками В. Замирайло.

О глупом царе. С рисунками В. Ходасевич. Похождения Чуч-ло. Рисунки и текст В. В. Лебедева.

Редьярд Киплинг. Слоненок. С рисунками В. Лебедева.

Владислав Ходасевич. Загадки. С рисунками В. Замирайло.

